

АНАСТАСИЯ
КИРИЧЕК

Мир, который построил Валлерстайн: метрополии и периферии в социальных науках

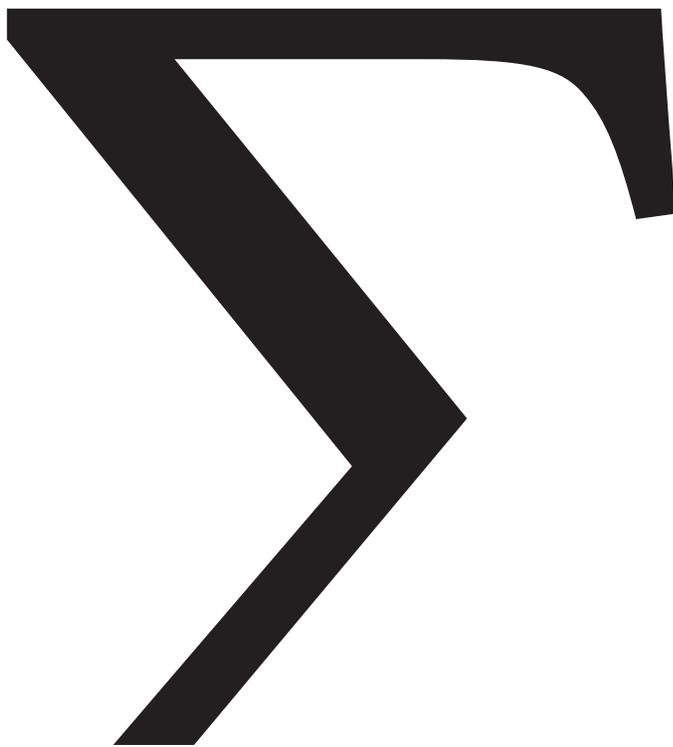
Анастасия Антоновна Киричек (р. 2001) – политолог, студентка магистратуры по социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Современный академический мир едва ли можно назвать местом равных возможностей: одни направления, методологии и объекты демонстрируют явное превосходство над другими, а аффилиация и страна способны предопределить, будут ли ученого цитировать или, напротив, оставят его труды в небрежении. Каким образом следует обсуждать такое неравенство? Многие исследователи используют оптику, в которой противопоставляются центр и периферия, настаивая на том, что глобальное поле науки хорошо описывается с помощью этого дуалистичного концепта: в подобных дескрипциях именно ядро (центр) будет аккумулировать наибольший престиж, обеспечивать максимальное внимание и устанавливать эпистемические стандарты¹.

Здесь, однако, возникает важный вопрос: достаточно ли эвристических ресурсов дихотомии «ядро – периферия» для обстоятельного разговора об упомянутом неравенстве? Ведь можно предположить, что жесткость подобного противопоставле-

¹ См., например: ALATAS S. *Academic Dependency and the Global Division of Labour in the Social Sciences* // *Current Sociology*. 2003. Vol. 51. № 6. P. 599–613.

ПОЛИТИКА
НАУКИ

ния упрощает устройство академического мира и потому мешает анализу важных контекстов. Например, как быть с теми локациями, которые с трудом втискиваются в эту бинарную оппозицию? Скажем, Россию, Китай или Бразилию нельзя отнести к типовым периферийным странам – производство знания в них устроено сложнее, так как оно внутренне более разнообразно и в большей степени опосредовано прошлым опытом и внешними факторами: геополитическим контекстом, уровнем академических свобод и так далее. Описательные механизмы, которые ранее предлагались для периферийных стран, здесь ломаются. Местная интеллектуальная элита в подобных локациях предстает чем-то вроде двуглавого орла: одна ее часть смотрит на международное сообщество, в то время как другая ориентирована на местные структуры. Причем различия между ними прослеживаются на уровне как институциональных, так и более широких политических и культурных практик².

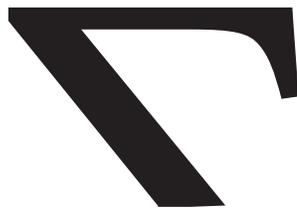
В этой статье сначала будут рассмотрены подходы к центру и периферии в современных социальных науках, а также возможные варианты концептуализации этих категорий, а затем будут представлены критика и вытекающий из нее альтернативный интеллектуальный проект, позволяющий продуктивнее рассуждать об интересующем нас неравенстве.

АКАДЕМИЧЕСКИЙ НЕОКОЛОНИАЛИЗМ

Процесс глобализации изменил и мир в целом, и академический мир в частности: международная циркуляция знания трансформировала сами практики его производства. Последствия этого процесса оцениваются диаметрально противоположным образом: если одни специалисты говорят, что это разрушило традиционные барьеры в коммуникации и мобильности³, то другие настаивают на том, что прежние иерархии в академическом мире не только никуда не делись, но даже сделались более жесткими⁴.

Если Йохан Хейлброн описывает поле современной глобальной науки схемой «ядра – периферии» с дуополистическим евро-американским ядром, множественными полуперифериями и широким спектром, то Мартон Деметер и Мануэль Гойа-

- 2 Sokolov M. *The Sources of Academic Localism and Globalism in Russian Sociology: The Choice of Professional Ideologies and Occupational Niches among Social Scientists* // *Current Sociology*. 2019. Vol. 67. № 6. P. 818–837.
- 3 См.: FREIDMAN T. *The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2005; ВАУМАН Z. *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press, 2000. [ФРИДМАН Т. *Плоский мир: краткая история XXI века*. М. АСТ, 2009; БАУМАН З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008.]
- 4 См.: COLLYER F. *Global Patterns in the Publishing of Academic Knowledge: Global North, Global South* // *Current Sociology*. 2018. Vol. 66. № 1. P. 56–73; HEILBRON J., SORÁ G., BONCOURT T. *The Social and Human Sciences in Global Power Relations*. Cham: Springer, 2018.

нес видят в ней «гегемонистскую и эксклюзивную социальную подсистему», где каждый из агентов, будь то акторы центральные или периферийные, воспроизводит ее⁵. Подобные картины отсылают к аналитическому аппарату мир-системной теории Иммануила Валлерстайна. Его последователи убеждены, что в производстве знания наличествует определенное распределение труда, являющееся неотъемлемой частью динамики общей мир-системы⁶.

В программной статье, посвященной академической зависимости, Саид Фарид Алатас показывает, как «академическая неокolonизация» поддерживает доминирование западных стран в научной сфере. Он определяет академическую зависимость следующим образом:

«[Это ситуация, в которой] одни научные сообщества – расположенные в локациях, считающихся в сфере социального знания своего рода “державами”, – способны развиваться согласно собственным критериям прогресса, тогда как другие научные сообщества – прежде всего в странах “третьего мира” – могут лишь повторять проторенные пути»⁷.

В подобном контексте исследователи из зависимых стран воспринимаются по большей части как простые потребители исследовательских программ и научных идей западных ученых. Алатас выделяет шесть основных аспектов академической зависимости:

1) Идеиная зависимость – исследователи из стран периферии используют теории и подходы, разработанные в странах центра.

2) Информационная зависимость – научные журналы и библиометрические базы данных чаще всего принадлежат именно западным издательствам, а научные мероприятия в основном организуют западные институции.

3) Технологическая зависимость – периферийные университеты, обеспечивая себе доступ к образовательным ресурсам, зависят от технической помощи западных фондов.

4) Денежная зависимость – многие исследования финансируются западными организациями, а это влияет на выбор тематики и методологии.

5) Инвестиционная зависимость – программы обмена и образовательные проекты, исходящие от западных университетов, формируют стандарты преподавания и исследований.

5 См.: HEILBRON J. *The Social Sciences as an Emerging Global Field* // *Current Sociology*. 2014. Vol. 62. № 5. P. 685–703; DEMETER M., GOYANES M. *A World-Systemic Analysis of Knowledge Production in International Communication and Media Studies: The Epistemic Hierarchy of Research Approaches* // *The Journal of International Communication*. 2021. Vol. 27. № 1. P. 38–58.

6 DEMETER M. *The World-Systemic Dynamics of Knowledge Production: The Distribution of Transnational Academic Capital in the Social Sciences* // *Journal of World-Systems Research*. 2019. Vol. 25. № 1. P. 111–144.

7 ALATAS S. *Op. cit.* P. 603.

6) «Утечка мозгов» – ученые из стран периферии переезжают работать в западные университеты или сотрудничают в проектах, инициированных странами центра, в качестве вспомогательного персонала, который лишь предоставляет материал, затем обрабатываемый и интерпретируемый специалистами западных институций⁸.

Весь этот комплекс факторов оборачивается крайне ограниченной вовлеченностью «периферийных» социальных наук в глобальное производство знания. Венгерский исследователь Мартон Деметер, опираясь на данные «Web of Science», показал, что публикационный вклад исследователей глобального Юга, включая Африку, Латинскую Америку, Ближний Восток и Восточную Европу, в совокупности составляет менее 10% всех статей, в то время как исследователи глобального Севера публикуют более 85% общего массива работ⁹. Страны Северной Америки, прежде всего США и Канада, занимают центральное место во всех дисциплинах, обеспечивая в среднем 57% всех публикаций по социальным наукам¹⁰. Интересно, что даже существенное наращивание числа публикаций не может гарантировать периферийным странам повышение их глобальной научной значимости. В этой связи Деметер с коллегами обращают внимание на фиксируемый в последние десятилетия аномальный рост числа публикаций российских и индийских политологов, который, однако, не сопровождается пропорциональным увеличением цитирований. Россия, например, вышла на третье место по количеству статей в области политической науки, но по числу цитирований ее ученые не попадают даже в первую десятку¹¹.

Нагляднее всего проблематику затрагиваемого неравенства отражает сфера академической издательской деятельности. С одной стороны, именно нынешняя публикационная инфраструктура делает глобальную научную коммуникацию возможной, но, с другой стороны, она насквозь пронизана властными отношениями, определяющими, что именно должно быть допущено к печати, а что отвергнуто¹². В дополнение к сказанному тут проявляется и еще одно структурное ограничение: до-

АНАСТАСИЯ КИРИЧЕК
МИР, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ
ВАЛЛЕРСТАЙН...

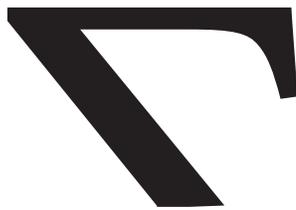
8 Ibid. Олег Хархордин называет этот комплекс явлений «сырьевым проклятием в социальных науках»: КНАРKHOPDIN O. *From Priests to Pathfinders: The Fate of the Humanities and Social Sciences in Russia after World War II* // *The American Historical Review*. 2015. Vol. 120. № 4. P. 1283–1298.

9 См.: ДЕМЕТЕР М. *The World-Systemic Dynamics of Knowledge Production...*

10 МОСВАН-НАТАНСОН С., ГИНГРАС Y. *The Globalization of Social Sciences? Evidence from a Quantitative Analysis of 30 Years of Production, Collaboration and Citations in the Social Sciences (1980–2009)* // *Current Sociology*. 2014. Vol. 62. № 5. P. 626–646.

11 KAISER T. ET AL. *Publishing Trends in Political Science: How Publishing Houses, Geographical Positions, and International Collaboration Shapes Academic Knowledge Production* // *Publishing Research Quarterly*. 2023. Vol. 39. P. 201–218.

12 MARGINSON S., XU X. *Moving beyond Centre–Periphery Science: Towards an Ecology of Knowledge*. Centre for Global Higher Education Working Paper Series. Oxford: Centre for Global Higher Education, 2021.

минирование одного языка над другими. Научное сообщество хорошо знает, что английский является более выгодным для академического письма, нежели другие языки. Но преобладание англоязычной (и западной) академии не может не влиять как на характер описания исследовательских кейсов, так и на процесс генерирования знания в целом. В одном из обзоров подчеркивается, что исследователи, для которых английский язык не является родным, часто вынуждены адаптировать свои темы, теоретические рамки и методологии, чтобы соответствовать требованиям англоязычных журналов¹³. Ради публикации в таких журналах «сторонние» специалисты нередко вынуждены корректировать подходы к описанию собственных кейсов, подстраиваясь под западные теоретико-методологические стандарты.

Публикационный вклад исследователей глобального Юга, включая Африку, Латинскую Америку, Ближний Восток и Восточную Европу, в совокупности составляет менее 10% всех статей, в то время как исследователи глобального Севера публикуют более 85% общего массива работ.

Негласные требования, подталкивающие авторов к следованию подобному курсу, чаще всего поддерживаются журнальными редакциями, которые ставят знак равенства между соблюдением упомянутых критериев и соответствием «международному стандарту». Работы, не укладывающиеся в эти рамки или предлагающие альтернативные интерпретации, могут быть отклонены как не соответствующие требованиям журнала. Исследователи из периферийных академий сталкиваются и с иными барьерами: чаще всего им приходится усердно оправдывать актуальность своих кейсов, которые рассматриваются западными академическими изданиями как локальные или незначительные¹⁴.

В исследованиях, посвященных развитию социальных наук на периферии, подчеркивается, что перед работающими в этой сфере учеными открываются несколько возможных исследовательских стратегий. Наиболее распространенными выступают три опции: во-первых, *мимикрия*, выражающаяся в гомогенизации тематики и применении подходов, опирающихся на более традиционные для глобального научного поля методы; во-вто-

13 Xu X. *Options in the (Semi-)Periphery: A Review of Multilingual Scholars' Choices of Topics, Methodologies, and Theories in Research and Publishing* // Publications. 2023. Vol. 11. № 50. P. 1–21.

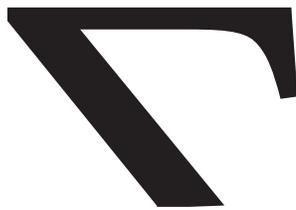
14 Ibid.

рых, *эсклюзивность*, в рамках которой незападная идентичность и западные темы воспринимаются как особый актив, который можно конвертировать в научный капитал на международной арене; в-третьих, *локализация*, сосредотачивающая исследовательский фокус исключительно на местных контекстах¹⁵. Последняя стратегия является наиболее типичной, что подтверждается значительным количеством эмпирических исследований, выполняемых на периферии¹⁶. Весь этот набор в полной мере вписывается в глобальное разделение труда, сложившееся в социальных науках и предполагающее, что специалисты из периферийных стран должны заниматься эмпирическими исследованиями местных контекстов, а исследователи из центральных стран будут выполнять более привилегированную работу, связанную с компаративистикой и обобщениями, которые позже обретут статус универсальных научных утверждений.

Практика подтверждает, что периферийные социальные исследователи с большей вероятностью склонны заниматься эмпирическими исследованиями на ограниченном материале¹⁷. Проанализировав публикации в журналах, охватываемых системой «Journal Citation Reports», Мартон Деметер и Мануэль Гойанес наглядно продемонстрировали, что глобальное ядро публикует теоретические и количественные статьи в гораздо большем объеме, чем глобальная периферия¹⁸. В частности, итальянские политологи, которые в социальных науках принадлежат скорее к периферии, не склонны касаться крупных теоретических и/или сравнительных тем, а предпочитают писать статьи об итальянской политике и местных партиях; точно так же и для сербских обществоведов внутригосударственные и локальные проблемы неизменно важнее международного контекста¹⁹. Символично, что специалисты, аффилированные с институтами глобального Юга, указывают в заголовках своих работ названия собственных регионов, в то время как названия работ ученых с глобального Севера более лаконичны, абстрактны и универсальны²⁰. В подобной диспозиции знание центра

АНАСТАСИЯ КИРИЧЕК
МИР, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ
ВАЛЛЕРСТАЙН...

- 15 DEMETER M. *Taking off Camouflage Identities: Why Peripheral Scholars Strive to Look Like Their Western Peers in Order to Being Recognized?* // Journal of Multicultural Discourses. 2021. Vol. 16. № 1. P. 53–68.
- 16 См.: LI Y., FLOWERDEW J. *International Engagement versus Local Commitment: Hong Kong Academics in the Humanities and Social Sciences Writing for Publication* // Journal of English for Academic Purposes. 2009. Vol. 8. № 4. P. 279–293; GUZMÁN-VALENZUELA C. ET AL. *The New Knowledge Production in the Social Sciences and in the Arts and Humanities in Latin America* // Higher Education. 2023. Vol. 85. № 3. P. 587–612.
- 17 PAJÍÉ D. ET AL. *Publication and Citation Patterns in the Social Sciences and Humanities: A National Perspective* // The Canadian Journal of Sociology. 2019. Vol. 44. № 1. P. 67–94.
- 18 См.: DEMETER M., GOYANES M. *Op. cit.*
- 19 См.: PLÜMPER T., RADAELLI C. *Publish or Perish? Publications and Citations of Italian Political Scientists in International Political Science Journals, 1990–2002* // Journal of European Public Policy. 2004. Vol. 11. № 6. P. 1112–1127; PAJÍÉ D. ET AL. *Op. cit.*
- 20 CASTRO TORRES A., ALBUREZ-GUTIERREZ D. *North and South: Naming Practices and the Hidden Dimension of Global Disparities in Knowledge Production* // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2022. Vol. 119. № 10. P. 1–7.

неизбежно предстает всеобщим, а знание периферии кажется всего лишь частным. Хейлброн пишет:

«Почти все наиболее цитируемые социологи работают в Северной Америке и Европе. [...] Около 85% статей в ведущих социологических журналах США посвящены американскому обществу. [...] Учитывая силу и привилегии американской социологии, легко представить мир в американских терминах»²¹.

Получается, что почти любая теория, созданная за пределами Запада, будет восприниматься в качестве отражения сугубо национальной специфики – и не более того²².

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ

Исходя из описанных паттернов глобального производства знания можно было бы предположить, что и периферийные, и центральные социальные науки гомогенны: если одни производят знание о себе, опираясь на интеллектуальные инструменты западной науки, то другие, пользуясь преимуществами структурного неравенства, привлекают основное внимание и создают универсалистские нарративы. Однако реальная ситуация сложнее. Несмотря на то, что данная статья сосредоточена на последствиях неравенства, переживаемого периферийными социальными науками, стоит иметь в виду, что и внутри западного академического поля в рассматриваемом отношении все неоднородно. Американские общественные науки пронизаны различными формами и градациями неравенства, затрагивающими самые разные плоскости – начиная с журнальных публикаций и заканчивая используемыми методологиями²³. Показательным примером может служить американская социология, в рамках которой институциональной и экономической властью, то есть способностью управлять и распоряжаться ресурсами, обладают именно те факультеты и исследователи, которые ориентированы на количественную методологию²⁴.

Концептуализация, опирающаяся на противопоставление центра и периферии, склонна игнорировать подобные нюансы. В этом плане права Рэйвин Коннелл, по мнению которой, сами указанные понятия выступают лишь точками отсчета, позволяющими начать анализ, но они отнюдь не исчерпывают его. Более того, проблематичным становится само определение

21 HEILBRON J. *Op. cit.* P. 697.

22 CASTRO TORRES A., ALBUREZ-GUTIERREZ D. *Op. cit.*

23 GILES M., GARAND J. *Ranking Political Science Journals: Reputational and Citational Approaches* // *Political Science and Politics*. 2007. Vol. 40. № 4. P. 741–751.

24 Подробнее о кейсе американской социологии см.: WARCZOK T., BEYER S. *The Logic of Knowledge Production: Power Structures and Symbolic Divisions in the Elite Field of American Sociology* // *Poetics*. 2021. Vol. 87. P. 1–18.

центра и периферии, так как в разряд последней включаются как крайне бедные страны, подобные Бенину, так и весьма богатые государства, подобные Австралии²⁵. Понятные затруднения здесь возникают и с Россией, которую сложно объявить частью глобального Юга или простой периферийной страной. Стараясь уйти от этого затруднения, некоторые исследователи предпочитают называть ее «бывшей империей», «полупериферией» или «субалтерн-империей»²⁶.

Концептуализация, опирающаяся на противопоставление центра и периферии, примитивизирует реальную картину: фактически, в этой оптике состояние академической сферы предстает лишь производной от финансового капитала и военной мощи. И хотя эта парадигма учитывает влияние глобальной мир-системы на паттерны производства знания, она совершенно исключает все остальные факторы, влияющие на него. Как указывают специалисты, все дело в том, что концепция центра–периферии основывается на спорных допущениях: во-первых, на представлении, что периферийные социальные ученые хотят примкнуть к глобальному Северу и лишь искусственные барьеры не позволяют им сделать этого; а во-вторых, на идее, согласно которой исследователи, аффилированные с перифериями и полуперифериями, неизменно будут генерировать контррегемонистские аргументы²⁷.

Обращаясь к той же теме, Саймон Маргинсон и Синь Сю полагают, что в придачу эта оптика не вмещает в себя допущения, касающиеся независимости национальных систем, и не учитывает локальные культурные контексты²⁸. В целом же само распространение модели центра–периферии в научных исследованиях следует, по их мнению, признать не чем иным, как следствием европоцентричного видения мира:

«С идеей Валлерстайна о неизбежно европоцентричном мире охотно соглашались те, кто, в отличие от него, приветствует евро-американское доминирование, наслаждается гипотетическим культурным превосходством мирового центра и считает капитализм не просто неизбежным, но и желательным»²⁹.

С точки зрения этих авторов, подтверждением неадекватности подобных описаний служит академический подъем Китая, Индии и Бразилии во всех научных рейтингах: эти страны смогли выйти на ведущие позиции в глобальной науке, опираясь не на сеть евро-американских научных центров, а на со-

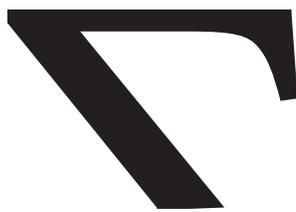
25 CONNELL R. *Southern Theory: The Global Dynamics of Knowledge in Social Science*. Oxford: Polity, 2007. P. 212.

26 KACZMARSKA K. *Making Global Knowledge in Local Contexts: The Politics of International Relations and Policy Advice in Russia*. London: Routledge, 2020. P. 7.

27 Ibid. P. 40.

28 MARGINSON S., XU X. *Op. cit.*

29 Ibid. P. 18.

трудничество внутри собственных национальных институтов. В конечном счете, Маргинсон и Сюй рекомендуют заменить имеющую явный геополитический оттенок категорию «центр–периферия» сформулированным Антонио Грамши понятием «гегемония», которое предполагает культурное доминирование, основанное на согласии тех, кто ему подвергается, и поддерживаемое не только экономическим или военным потенциалом, но и культурной ассимиляцией.

Рефлексия такого типа ставит перед исследователем важнейший вопрос: можно ли изучать производство знания, не сводя его исключительно к теме властвования и доминирования и сохраняет ли свою актуальность при таком повороте парадигма центра–периферии? Как представляется, наиболее изящный ответ на него нашла аргентинский социолог Фернанда Бейгель. Основой для ее интеллектуальных построений служит теоретический аппарат, разработанный Пьером Бурдьё.

В центре проекта Бурдьё – специфическая теория действия, которая выражается формулой «габитус + капитал + поле = практика». Под габитусом здесь имеется в виду интериоризированный жизненный опыт, реализуемый в схемах мышления и действиях, подкрепляемый капиталом, представляющим собой накопленные формы власти. В свою очередь разновидности капитала опосредуются полем, которое есть в той или иной степени автономная сеть отношений между людьми, разделяющими общие принципы символического различения. Если же говорить о научном пространстве, то оно состоит из множества полей, которые вступают в неравноправные отношения как друг с другом, так и с другими полями – прежде всего власти и экономики. Согласно Бурдьё, на стыке жизненного опыта и навязанных правилами поля условий формируется практика. В данном случае речь идет о практиках производства знания, которые он именует «стилями исследования»: то есть о совокупности утверждений, касающихся методологии, наблюдений, гипотез, проблем³⁰. Наконец, завершающая часть проекта Бурдьё посвящена рефлексивности. В ней реконструируется генезис академического поля, которое, с одной стороны, тот или иной ученый изучает, а с другой стороны, продуктом которого сам является. Рефлексивность относительно генезиса поля позволяет объективировать категории, применяемые самим исследователем, а также обозначить его собственную позицию в этом поле. Рефлексивность, в трактовке Бурдьё, ценна не только как способ фиксации неравенств, но и как инстру-

30 См.: BOURDIEU P., WACQUANT L. *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. Ch. 1. [См. также фрагмент этой работы: БУРДЬЁ П. *Опыт рефлексивной социологии* (<https://gtmarket.ru/library/articles/3228>). – Примеч. ред.]; BOURDIEU P. *Science of Science and Reflexivity*. Chicago: University of Chicago Press, 2004.

мент изменения наличных структур господства, причем как в локальных, так и в глобальных полях³¹.

Совмещая рефлексивную социологию Бурдьё и теорию центра–периферии, Бейгель создает собственную реляционную теорию академической зависимости, которая позволяет выявить наличие структурных ограничений и иерархий сразу на нескольких уровнях: локальном, национальном, региональном, транснациональном. Операционализация академической мир-системы в терминах полей отсылает к неравенству между национальными и международными полями наук³². Они могут находиться в различных отношениях по степени близости, автономности и зависимости и не вписываться в бинарную схему. Такой подход позволяет выявить структуры и позиции, формирующие внешний международный авторитет, учитывать гетерогенность поля социальных наук, влияние национальных институтов, внутренние контроверзы, а также общий интеллектуальный контекст.

Исходя из теории Фернанды Бейгель можно увидеть, что многие периферийные социальные науки не обладают внутренним единством. Они разделяются не только по степени обладания академическим капиталом, но и по практикам производства знания. В них сосуществуют две академические культуры, одна из которых ориентирована на интернационализацию и стандарты глобального международного знания, а другая – на местные проблемы, институции и стандарты³³. Различия между глобалистами и локалистами прослеживаются на уровнях институций, публикационных схем, общих политических и интеллектуальных ориентаций. Группы локально ориентированных и глобально ориентированных ученых можно обнаружить во многих академических пространствах; они действуют в одной и той же институциональной системе, хотя адресуются к разным аудиториям и занимаются разными проблемами³⁴. Иначе говоря, национальные институты генерирования знаний никуда не исчезли – более того, из них складываются альтернативные площадки накопления престижа и легитимации, которые противостоят глобальной мир-системной площадке.

Например, в случае Аргентины – и, замечу себя, России тоже – можно зафиксировать существование местных институций, которые фильтруют, классифицируют, оценивают гло-

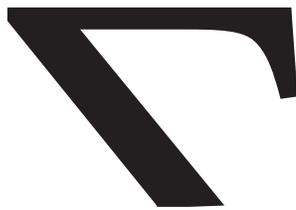
АНАСТАСИЯ КИРИЧЕК
МИР, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ
ВАЛЛЕРСТАЙН...

31 Подробнее см.: STEINMETZ G. *The Colonial Origins of Modern Social Thought: French Sociology and the Overseas Empire*. Princeton: Princeton University Press, 2023. P. 17–25.

32 BEIGEL F. *Circulation of Academic Knowledge and Recognition* // KEIM W., MEDINA L. (Eds.). *Routledge Handbook of Academic Knowledge Circulation*. London: Routledge, 2023. P. 75–88.

33 SOKOLOV M. *Op. cit.*; см. также: PIOVANI J. *Styles of Academic Production in the Argentine Social Sciences: Heterogeneity and Heterodoxy* // *Serendipities. Journal for the Sociology and History of the Social Sciences*. 2020. Vol. 4. № 1. P. 27–48.

34 SOKOLOV M. *Op. cit.*

бальные стандарты³⁵. В процессе своей деятельности они генерируют особые разновидности национального престижа. При этом универсалистский престиж, к которому стремятся глобалисты и символами которого выступают публикации в зарубежных журналах, обладание зарубежными степенями, участие в зарубежных конференциях, сочетается с институциональным престижем, которого добиваются локалисты и который воплощается в местных академических должностях, статьях в национальных журналах, ключевых позициях в администрации вузов. Так, по замечанию Бейгель, для аргентинских ученых публикации в международных изданиях весьма важны в плане их продвижения в проектах и программах, курируемых Национальным советом по научным и техническим исследованиям (Consejo Nacional de Investigaciones Científicas y Técnicas), но гарантировать место в управленческой университетской иерархии они не могут³⁶.

В рассматриваемом здесь ключе очень интересна картина, складывающаяся в китайских социальных науках, внутри которых не так давно обострились противоречия между локалистами и глобалистами. В китайском контексте их спор вылился в горячее обсуждение так называемой «индигенизации» применительно к местным общественным наукам. Согласно современной литературе, под индигенной научной деятельностью понимаются исследования, которые осуществляются коренными (индигенными) народами, опирающимися на собственные онтологии и эпистемологии и добивающимися «деколониации» научного знания³⁷. Хотя новейший раунд обсуждения этой проблемы в КНР открылся в 2018 году, когда китайский социолог Се Юй из Принстонского университета назвал индигенизацию «псевдовопросом» и заявил, что никакой нужды заниматься социологией с китайской спецификой нет и быть не может³⁸, история дебатов на эту тему гораздо более давняя.

Разговоры о китаизации гуманитарного знания начались еще в 1920-х, когда местные ученые начали приспособлять западные теории к национальным реалиям, стремясь создать на этой основе собственную академическую традицию. В следующем десятилетии социологи У Вэньцао и Фэй Сяотун заложили основы «китаизированной» социологии, однако до полноценной реализации этого проекта дело дошло лишь после «культурной революции». Именно тогда было предложено создать «социологию нового Китая», воздвигаемую на марксистском

35 BEIGEL F. *Op. cit.*

36 Ibid.

37 Подробнее см.: COBURN E., MORETON-ROBINSON A., SEFA DEIET G., STEWART-HARAWIRA M. *Unspeakable Things: Indigenous Research and Social Science* // Socio. 2013. Vol. 2. P. 331–348.

38 LI J., XU S., ZHOU G., YANG T., ZHANG Z. *Indigenisation: The Significance of the Debates for the Circulation of Academic Knowledge* // KEIM W., MEDINA L. (Eds.). *Op. cit.* P. 407–417.

фундаменте. Такая инициатива, помимо прочего, была вызвана необходимостью научно легитимизировать социологию, ранее считавшуюся буржуазной дисциплиной. К 1990-м почин подхватили и китайские политологи, пришедшие к выводу, что никакие западные концепции, за исключением марксизма, не подходят для описания китайской политики. На этот раз спор вышел за пределы академической дискуссии и перешел в политическую плоскость. Ученые, настаивавшие на индигенизации, подчеркивали:

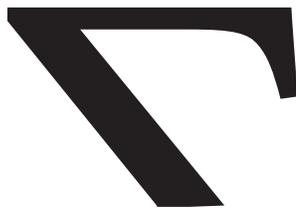
«Политическая наука в каждой стране или регионе должна опираться на дискурсивную систему этой страны или региона; она должна распространять собственные ценности, отстаивать собственные позиции, выражать собственные идеи, используя дискурс, который может быть понятным и усвоенным нацией, а также давать политическое наставление и обучать людей на местах»³⁹.

О стратегическом значении индигенизации в тот период заговорило и политическое руководство Китая: в частности, председатель Си Цзиньпин заявил о необходимости развития общественных наук с китайскими особенностями – по его мысли, это позволило бы укрепить национальный престиж и обеспечить независимость знаний.

Индигенизация охватывает как изучение специфически китайских тем, так и адаптацию западных концепций к анализу местных явлений. Национальный контекст в политических науках интерпретируется в основном через социалистические концепции, хотя радикальные сторонники индигенизации обращают внимание на необходимость создания такого незападного обществознания, которое основывалось бы на конфуцианских традициях. Разумеется, все это не было бы подлинными дебатами, если бы в обсуждении участвовала лишь одна сторона. Фактически, поле китайской социологии разделилось на четыре сектора, представленные радикальными локалистами (полностью отвергают западные подходы), умеренными локалистами (адаптируют их под национальные условия), умеренными глобалистами (поддерживают диалог между традициями) и радикальными глобалистами (считают западные методы единственно верными). Как отмечают исследователи, разделение на эти группы коррелирует с распределением академического и политического капиталов: если наличие академического капитала повышает вероятность того, что ученый окажется в рядах радикальных глобалистов, то обладание капиталом политическим при отсутствии академического делает специалиста приверженцем китаизированных социальных наук⁴⁰.

39 Ibid. P. 408.

40 Ibid.

Борьба за символическую власть в китайском академическом сообществе сопровождается взаимными обвинениями: глобалисты считают локалистов недостаточно подкованными теоретически, а индигенисты утверждают, что универсалисты игнорируют специфику китайского общества. Этот идеологический раскол предельно углубил противостояние, превратив научный диалог в битву за легитимность исследований, что усложняет перспективы конструктивного взаимодействия между сторонами, каждая из которых в академическом пространстве равноправна.

* * *

Глобальный академический мир не обеспечивает равенство возможностей и ресурсов для всех агентов, включенных в него. Дихотомия центра и периферии как аналитическая модель позволяет различить глубоко укоренившиеся иерархии, за которыми стоит не только экономическое и геополитическое, но и эпистемическое доминирование. Научные исследования в странах периферии сталкиваются с целым рядом ограничений, обусловленных их экономической и интеллектуальной зависимостью от западных стран. В результате местные ученые, используя множество различных стратегий, стремятся интегрироваться в глобальное научное пространство.

Однако нередко бинарное противопоставление центра и периферии не столько способствует преодолению неравенства, сколько подтверждает или даже цементирует его. Оптика, используемая для анализа этой проблемы, должна стать более инклюзивной: не ограничиваясь рамками исключительно геополитики, ее следовало бы сфокусировать на внутренних различиях и границах. Применение здесь инструментария, предложенного Бурдьё, позволяет объективировать и поле, в котором действуют исследователи, и само их положение в этом поле. Основанная на нем реляционная теория академической зависимости акцентирует внимание на множественности уровней иерархии, культурных и институциональных контекстах, а также на диалектическом взаимодействии глобального и локального. В итоге перед нами открываются возможности переосмыслить академическое пространство не только как место борьбы за ресурсы и влияние, но и как площадку для внедрения новых, более равноправных форм международного сотрудничества.